

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РАННИХ ЗАПИСКАХ М. М. СПЕРАНСКОГО

Выход в свет политических записок и проектов М. М. Сперанского за 1802—1809 гг., критически отобранных, сопоставленных и датированных под руководством С. Н. Валка, помогает историку правильнее понять эволюцию и содержание взглядов этого крупного государственного деятеля начала XIX в.¹ Подробный источниковедческий анализ напечатанных текстов, сопровождаемый обзором литературы, дает возможность не только установить хронологическую последовательность сочинений Сперанского в годы его наибольшего влияния, но и постараться решить важный вопрос, выдвинутый редактором: какие записки отражают собственные взгляды автора, а какие написаны по заказу его сановных начальников и должны быть отброшены при изучении его личного мировоззрения?

В научной литературе, затрагивавшей историю политических идей в России, существует два подхода к литературному наследию Сперанского: одни из авторов безоговорочно приписывают ему все мысли, которые выходили из-под его пера, другие не менее безоговорочно считают его только талантливым, но пассивным передатчиком чужих мыслей.² Внимательное знакомство с вышедшей публикацией показывает, насколько односторонни и, следовательно, не верны обе точки зрения.

В составе материала, отредактированного С. Н. Валком, мы можем без труда отличить три категории источников: 1) черновые наброски на разные темы, занесенные Сперанским на бумагу для самого себя и не предназначенные для опубликования; 2) черновые записки, нередко с исправлениями автора, служившие основой для будущих докладов и проектов на заданные темы; 3) окончательно отредактированные записки, поданные Александру I или в государственные учреждения и в силу этого получившие значение официальных документов. С. Н. Валк вполне прав, когда считает первую категорию, несмотря на всю отрывочность сохранившихся записей, «некоторым критерием... для определения идей

¹ М. М. Сперанский. Проекты и записки. Подгот. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1961. Ср.: С. Н. Валк. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях. Исторические записки, т. 54, 1955, стр. 464—472.

² Примером первого метода может служить изложение проектов Сперанского в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909, стр. 37—48); примером второго — статья М. Н. Покровского «Сперанский» в Энциклопедич. словаре изд. Гранат (изд. 7), т. 41, ч. IV, стб. 111—117.

Сперанского раннего периода.³ Эта группа источников аналогична высказываниям Сперанского на философские и политические темы, напечатанным 90 лет назад под редакцией А. Ф. Бычкова (к сожалению, без всякой попытки их датировать).⁴ Именно здесь непосредственно и наиболее точно отразились личные взгляды Сперанского на основные вопросы государственной жизни и на политику самодержавной власти. Все эти наброски относятся к 1802—1804 г.г., когда Сперанский был близок к членам Негласного комитета, участвовал в разработке их либеральных замыслов, а позднее, в качестве главного помощника В. П. Кочубея, составлял разнообразные бумаги от лица министра внутренних дел. Это был период, когда Сперанский, который хорошо узнал российскую действительность служа при четырех павловских генерал-прокурорах, окончательно оформил свои политические взгляды, в основном определившиеся еще в семинарские годы.⁵

Несколько иной характер носит вторая категория источников — черновики будущих докладных записок, составленных Сперанским как статс-секретарем по поручению лиц, занимавших высокие посты, особенно В. П. Кочубея, а также по личному заданию Александра I. Конечно, получая подобные поручения, послушный статс-секретарь не мог не считаться с данными инструкциями и, искушенный в нравах бюрократической иерархии, обязан был ответить требованиям своих заказчиков. Но, поскольку Сперанский представлял первоначальный проект задуманной записки, он мог проявлять личную инициативу, высказывать собственные взгляды, особенно, если был уверен в сочувственном отношении своих покровителей и в известной мере единомышленников (например, министра Кочубея — при подготовке «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 г. или незавершенного «Проекта Уложения государственных законов Российской империи» 1809 г. — после многократных интимных бесед наедине с самим императором). По-видимому, такой же характер носят «Отрывок о Комиссии Уложения» 1802 г. (вероятно, начатый по предложению председателя Комиссии графа П. В. Завадовского), известная записка 1802 г. «О коренных законах государства», составленная для Кочубея и в сильно измененном виде поданная им Александру I,⁶ и «Общее обозрение всех пре-

³ М. М. Сперанский. Проекты и записки, стр. 14 (там же приведены заглавия выделенных набросков).

⁴ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872. СПб., 1872, стр. 773—855.

⁵ См. публичную проповедь Сперанского, произнесенную в 1791 г., с выступлениями против тиранов и «цепей рабства» в защиту «понятия свободы» (В. Семевский. Первый политический трактат Сперанского. Русское богатство, 1907, январь, отд. 1, стр. 47).

⁶ Размышления о государственном устройстве империи (М. М. Сперанский. Проекты и записки, стр. 56—67).

образований и распределение их по временам», подготовленное для Александра I в связи с планом реализации конституции 1809 г.⁷ Чтобы извлечь из этих подготовительных материалов личные взгляды Сперанского, необходимо тщательно сопоставить их содержание не только с черновыми набросками первой категории и с высказываниями самого Сперанского в тех же и в других записках, но также с идеями его заказчиков, наконец, с обстоятельствами возникновения и дальнейшего продвижения анализируемых работ. Например, разбирая «Отрывок о Комиссии Уложения», мы не станем приписывать Сперанскому мыслей о бесполезности понятия конституции и «неосновательности Монтесквиев, Блэкстонов и прочих сего рода поверхностных умов», тем более, что эта же самая записка построена на учении Монтесквье о разных видах правления и о наличии конституции в каждом государстве.⁸ Очевидно, эти противоречивые мысли представляют собою или вставку заказчика, или написаны под его давлением.

Такой же сравнительный метод необходимо применить к третьей категории источников — к перебеленным экземплярам записок, сохранившимся в фондах Воронцовых и Комитета 6 декабря 1826 г. Производя соответствующие сопоставления, мы убеждаемся, что «Примечания» о Сенате, представленные А. Р. Воронцовым в заседании Государственного совета 5 мая 1802 г., являются изложением его личных мнений, а «Размышления о государственном устройстве империи» 1802 г. окончательно отредактированы по указаниям осторожного Кочубея.⁹ Иной характер носят «Введение к Уложению государственных законов 1809 г.» и связанное с ним «Краткое начертание государственного образования», разработанные Сперанским после многократных бесед с Александром I. Все, что мы знаем об образе мышления этого царя и об его склонности к неопределенным и общим формулировкам конституционных планов, заставляет приписать творческую инициативу и конкретное развитие основных идей проекта 1809 г. не Александру I, а именно Сперанскому, хотя отдельные поправки могли вноситься в трактат под давлением самого самодержца.¹⁰

Исходя из данных наблюдений над ранними записками Сперанского, мы вправе поставить вопрос, в свое время освещенный В. И. Семевским: как расценивал Сперанский положение русского крестьянства и какие меры он предлагал для улучшения его жизни? Излагая соответствующие места в трактатах 1802 и 1809 гг., Семевский не знал некоторых материалов, опубликованных теперь С. Н. Валком, и не всегда правильно приписывал Спе-

⁷ Там же, стр. 231—237.

⁸ Там же, стр. 19, 20.

⁹ Там же, стр. 56—75.

¹⁰ Там же, стр. 143—221, 225—231.

ранскому те или иные суждения.¹¹ Поэтому вполне уместно дополнить и уточнить его выводы в свете недавно изданной публикации.

Вопреки мнению С. Середонина,¹² Сперанский хорошо знал политическую литературу своего времени задолго до составления Плана всеобщего государственного образования: его записки либерального периода 1802—1804 г. пестрят ссылками на труды Монтескье, которому он следовал в своих основных предположениях, философов шотландской школы Стюарта и Фергюсона, знатоков английского права Блэкстона и Бентама, итальянских публицистов Беккариа и Филанджиери. Уже тогда Сперанскому были хорошо известны конституции Англии и Франции, так же, как Прусское уложение Фридриха II и австрийские реформы Иосифа II. В своих аргументах он свободно оперировал сочинениями древних и новых философов, фактами античной и новой истории, явлениями русской действительности XVIII и начала XIX в. Сперанский вполне разделял политическое евангелие персидской европейской буржуазии — ее учение о договорном происхождении государства, о народе как источнике власти, о необходимости политической свободы и гражданского равенства.¹³ Он сосредоточенно размышлял над очередными проблемами российской действительности, стараясь понять политику последних царствований и реальные возможности ее изменения. Сперанский был убежден, что несмотря на философскую оправу екатерининских законов, Россия XVIII—начала XIX в. оставалась азиатской деспотией и что либеральные планы Александра I не имеют под собой прочной опоры ни в «общем мнении», ни в нравах народа, ни в навыках управления.¹⁴ Моментами он приходил к безрадостному выводу, что любая форма правления неизбежно приводит к деспотизму и сопровождается страхом заговора или будущим осуждением истории.¹⁵ Однако философия религиозного квиетизма, воспринятая Сперанским в молодые годы, и быстро удавшаяся карьера, поднявшая скромного попovichа до положения бюрократического светила империи, внесли успокоение и надежду в его смятенные мысли. Попав в среду либерально настроенной аристократии, осыпанный чинами и материальными наградами, Сперанский сделался неотъемлемой частицей действующей системы и органически слился с правящими верхами. Если в юности он отразил в своем выступлении некоторое влияние революционного протеста Радищева,¹⁶ то в годы Негласного комитета он стал

¹¹ В. И. Семевский. 1) Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. т. I. СПб., 1888, стр. 340—351; 2) Первый политический трактат Сперанского, стр. 80—81.

¹² С. Середонин. Сперанский, граф, Михаил Михайлович (Русский биографический словарь, т. Смеловский-Суворина, СПб., 1909, стр. 197).

¹³ М. М. Сперанский. Проекты и записки, стр. 28—36, 77—85.

¹⁴ Там же, стр. 140—142.

¹⁵ Там же, стр. 142—143.

¹⁶ В. И. Семевский. Первый политический трактат Сперанского, стр. 47.

решительным противником «жестоких возмущений» и «воспаления страстей». Сохранив свои либеральные взгляды, он утвердился в успокоительном выводе «о постепенности усовершенания общественного», и о зависимости «духа народного» «от долговременной привычки или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и законов». Скептически расценивая перспективы конституционной реформы в политической отсталой стране и не питая больших иллюзий относительно Александра I, Сперанский поставил себе ограниченную задачу: приблизить российскую деспотию к состоянию «истинной монархии», основанной на непререкаемых законах, т. е. к будущему введению конституционного правления.¹⁷

Таковы были руководящие предпосылки, из которых исходил Сперанский в постановке и разрешении центрального вопроса своей эпохи — о ликвидации отжившего института крепостного права. Уже давно опровергнуто ошибочное мнение декабриста Н. И. Тургенева, упрекавшего Сперанского в равнодушном отношении к этому вопросу. «Проекты и записки» окончательно хоронят эту неправильную версию. Уже в «Отрывке о Комиссии Уложения» Сперанский упоминает в числе «высших предметов», которые должны быть урегулированы в основных законах России, вопрос «об отношении крестьян к помещикам, то есть об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи, к горсти тунеядцев, захвативших бог знает почему и для чего все права и преимуществ». ¹⁸ Такая характеристика крепостного права интересна в двух отношениях: она показывает, с одной стороны, тогдашние радикальные взгляды Сперанского, с другой — его незнакомство в 1802 г. с историей возникновения и развития крепостных отношений.

Пока ему оставалось ясным одно: наряду с рабством политическим существует рабство гражданское, «когда один класс народа в повинностях личных или вещественных зависит от воли другого»; политическая свобода может совмещаться с рабством гражданским, но не может возникнуть гражданской свободы, т. е. «независимости каждого класса от произвола другого», если государство останется во власти деспотических учреждений. ¹⁹ Чтобы изыскать способы покончить с тем и другим видами рабства, необходимо предварительно изучить историю российского законодательства, поручив эту задачу Радищеву (в то время члену комиссии по состоянию законов), который — как прибавляет Сперанский — в силу своих способностей и познаний «может много пролить свету на тьму, нас облажающую»: по мнению Сперанского, следует дать Радищеву «особенно заметить, чтоб углубился он

¹⁷ М. М. Сперанский. Проекты и записки, стр. 34, 46, 75—82.

¹⁸ Сперанский, исправляя текст записки, несколько смягчил свою формулировку, заменив слово «тунеядцев» словом «людей» (там же, стр. 24).

¹⁹ Там же, стр. 83—85.

разысканием, каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях».²⁰

Однако Комиссия скоро лишилась Радищева, трагически оборвавшего свою жизнь, и Сперанскому пришлось самостоятельно разбираться в существе крестьянского вопроса.

Прежде чем установить исторические причины происхождения крепостного права, Сперанский, исходя из рационалистических предпосылок и учитывая опыт Западной Европы, высказался за постепенную ликвидацию отжившего крепостничества. В подготовительной записке «О коренных законах государства» (1802) он установил, что «право владеть крестьянами в крепость... столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нем, яко временном и прейти долженствующем».²¹ Ему становилось ясно, что если гражданская свобода невозможна без политического освобождения, то не может быть и законной монархии «в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве».²² В противовес некоторым либеральным помещикам Сперанский был глубоко убежден, что не просвещение должно быть предварительным условием свободы, а наоборот, освобождение — предпосылкой духовного подъема народа. «В самом деле, что такое есть просвещение для народа в рабстве, как не способ живее чувствовать горечь своего положения и как не повод к волнениям, кои должны кончиться или вящим его порабощением, или ужасами безначалия».²³ В поисках точки опоры он обращается к Наказу Екатерины и к действующему праву о государственных крестьянах. Он предлагает в качестве первоначальных мер для смягчения рабства законодательное регулирование крепостных повинностей, образование волостного суда для разрешения взаимных споров между крестьянами и помещиками и превращение подушной подати в поземельный налог, устраняющий всякое представление о «крепостных душах».²⁴ В другой подготовительной записке 1803 г., — может быть, под давлением осторожного Кочубея — Сперанский несколько видоизменяет свои предложения: на выборные волостные управления, образованные в помещичьих имениях по аналогии с волостными управлениями на казенных землях, он возлагает только разбор взаимных споров между крестьянами и определение наказаний за проступки против помещиков. Теперь Сперанский воздерживается от вмешательства в хозяйственные взаимоотношения между дворянами и их крепостными, ссылаясь на необходимость «приготовительных распоряжений»; цитируя Бентама, он высказывает надежду на добровольную инициативу разумных

²⁰ Там же, стр. 23—24.

²¹ Там же, стр. 54.

²² Там же, стр. 119.

²³ Там же, стр. 44.

²⁴ Там же, стр. 54—55.

помещиков, которая будет расширяться по мере успехов цивилизации и общественного достатка. «Доброе крестьянское уложение (code rural)» — вот основа «рождающейся свободы», которая со временем превратит крестьянское рабство в крепость земле, а еще позднее — в полную свободу перехода.²⁵

Таковы первые зародыши того социального плана, который восходит своими истоками к австрийским урбариям XVIII в., будет развит Сперанским в 1809 г. и 30 лет спустя ляжет в основание двусторонней реформы П. Д. Киселева. На этой первой стадии возникновения проекта он предусматривает в виде конечной цели личное освобождение крепостных рабов и уравнивание их в правах с юридически свободными государственными крестьянами. Сперанского в 1803 г. не беспокоила мысль об опасности безземельного освобождения: ему казалось, что логика экономического развития урегулирует сложные взаимоотношения между землевладельцами и земледельцами, если будут приняты необходимые меры против «кочевой жизни» свободных арендаторов. Идеал английского фермерства казался не только ему, но и другим авторам проектов начала XIX в. наиболее выгодным для дворянского сословия и для всего государства.

Таков был итог первых размышлений Сперанского над крестьянским вопросом. Он сам мотивировал ограниченные масштабы предлагаемых мероприятий необходимостью избежать внезапного подрыва земледелия, но скрытым мотивом его осторожной тактики, по-видимому, была боязнь возбудить сопротивление консервативных сановников, разделявших «предрассудки класса, к которому они принадлежат и коего духом они напоены».²⁶ Нападки влиятельного министра Г. Р. Державина и его многочисленных единомышленников на тайный «триумvirат» молодых друзей Александра и на их пособника Сперанского заставляли держаться настороже и воздерживаться от слишком радикальных проектов.²⁷

Как известно, после Тильзитского мира 1807 г., в обстановке сильной дворянской оппозиции, Сперанский стал могущественным сановником и ближайшим политическим консультантом императора. Перед ним открылась заманчивая перспектива — превратить вековую деспотию в «истинную монархию», установив народное представительство, правда, лишенное законодательной инициативы и потому зависимое от императорской власти. Результатом личных усилий Сперанского были «Введение к Уложению государственных законов» и «Проект Уложения государственных законов Российской империи» 1809 г. с черновыми и перепечатанными приложениями. Подробно развивая государственно-правовые нормы своего проекта, Сперанский не мог миновать

²⁵ Там же, стр. 138—139.

²⁶ Там же, стр. 27.

²⁷ [М. А. Корф]. Жизнь графа Сперанского, т. 1, СПб., 1861, стр. 101—104.

основной социальной проблемы своего времени — положения различных разрядов российского крестьянства. К этому моменту ему стали яснее и существо, и происхождение крепостного права. На страницах «Введения» он уточняет определение гражданского рабства, при котором «подданные не только не имеют никакого участия в силах государственных, но и сверх того не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими».²⁸ Буржуазное понятие собственности становится для Сперанского определяющим критерием буржуазных прав не только гражданских, но и политических. Когда-то, — как рассуждает он на страницах «Введения» — крепостные люди имели собственность и располагали личной свободой: закон отличал их от кабальных людей и холопов. Прикрепление крестьян к земле и последующее слияние их с рабами было результатом вознаграждения бывших удельных владельцев за утрату ими политических прав, а также следствием организации военных сил, т. е. введения поместной системы.

Этому ненормальному состоянию гражданского рабства Сперанский, в соответствии с идеями рационализма, противопоставляет естественное право личности на свободу и собственность: «Права гражданские, то есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество».²⁹ Но как же восстановить неестественно утраченные гражданские права? Отвечая на этот вопрос, Сперанский снова ищет опоры в действующем законодательстве. Он выдвигает на первый план павловский закон 1797 г., который трактует как законодательное ограничение барщины тремя днями в неделю — «постановление весьма примечательное, потому что оно со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое», и ссылается на недавно изданные меры: на Лифляндское положение 1804 г. как опыт ограничения крестьянских повинностей, на закон 1803 г., разрешавший увольнение крепостных в свободные хлебопашцы и на закон 1801 г., дававший право свободным сословиям приобретать ненаселенные земли.³⁰ Сперанский считает, что необходимо сделать следующий шаг в том же направлении: уравнивать помещичьих крестьян с казенными в гражданских правах, предоставить им право приобретать движимую и недвижимую собственность (кроме «населенных» земель), определить законом их повинности и дать им возможность вступать в договоры с помещиками относительно размеров этих повинностей; организовать в помещичьих имениях крестьянский суд, «отъемля его от помещиков», и лишить помещиков права отдавать крестьян на военную службу «без очереди», по личному произволу. В противоположность проектам 1802—1803 гг. Сперанский требует введения этих

²⁸ М. М. Сперанский. Проекты и записки, стр. 147.

²⁹ Там же, стр. 179.

³⁰ Там же, стр. 159.

прав в основные законы империи, т. е. немедленного восстановления личной и экономической свободы помещичьих крестьян.³¹ Однако он не решается распространить на эту категорию земледельцев политические права, т. е. право участвовать в государственной жизни избранием народных представителей и выполнением их функций в законодательных и исполнительных органах государства: такие права, по его мнению, должны принадлежать исключительно владельцам недвижимой собственности.³² Поэтому все поместные крестьяне зачисляются Сперанским, наряду с мастерами, работниками и домашними слугами, в низший класс «народа рабочего». Впрочем, Сперанский тут же оговаривается, что всякий, кто приобрел недвижимую собственность и выполнил повинности по своему прежнему состоянию, может свободно перейти в следующий класс и, следовательно, пользоваться всей полнотой политических прав. Таким образом, создавались условия для уравнивания помещичьих крестьян с крестьянами государственными.

Что касается некрепостных, т. е. государственных крестьян, то политические права приобретали из них все, «имеющие недвижимую собственность в известном количестве», т. е. не только поземельные владельцы, но и все домохозяева, владевшие строениями. Вместе с другими собственниками, т. е. дворянами, купцами, мещанами и старшинами казенных селений, они составляли волостную думу, эту «первую, так сказать, стихию законодательного порядка», которая пользовалась правом избирать депутатов окружной думы, волостных судей для разбора маловажных споров и проступков, а также членов волостного совета как низшего исполнительного органа. Через посредство окружной и губернской дум волостные депутаты приобщались к законодательной деятельности высшего представительного органа в стране — Государственной думы.³³

Освобождение крепостных крестьян, проектированное в 1809 г. Сперанским, не ликвидировало феодальной зависимости земледельца от дворянина-помещика: бывший крепостной, имея право юридически свободного договора, должен был отбывать повинности за предоставленный ему земельный надел, но эти повинности регулировались законом или заключенным соглашением. Если в 1803—1804 гг. Сперанский считал конечной целью реформы восстановление свободного перехода крестьянина с одной земли на другую, то теперь, раздумывая над судьбами западноевропейского и американского пролетариата, он занял другую, более консервативную позицию. «Участь крестьянина, отправляющего повинно-

³¹ Там же, стр. 180—182.

³² Там же, стр. 188—192; предоставление политических прав владельцам промышленного капитала (упоминаемое на стр. 185) не получило развития у Сперанского при определении прав различных классов.

³³ Там же, стр. 188, 192—193, 197, 216, 229—231.

сти по закону и имеющего в возмездие свой участок земли, — говорил Сперанский во „Введении к Уложению государственных законов“ — несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах». ³⁴ Как многие передовые современники, Сперанский не отважился посягать на дворянскую собственность; предоставляя крепостным гражданские права, он оставлял их в экономическом подчинении дворянству, сохранявшему привилегию владеть населенными землями.

Такое разрешение крестьянского вопроса, несмотря на торжественное провозглашение гражданского равенства, должно было неизбежно повлечь за собой определенную степень внеэкономического принуждения.

Крушение конституционного проекта 1809 г. не было окончательной и полной ликвидацией планов крестьянской реформы Сперанского. Его руководящая идея сближения, а затем уравнивания помещичьих крепостных с государственными крестьянами воскресла в официальных проектах 1835 г. и с некоторыми видоизменениями легла в основу первого варианта крестьянской реформы 1861 г. ³⁵ Несмотря на ясно выраженные буржуазные тенденции, социальные планы Сперанского и их последующие модификации сохраняли феодально-сословные основы дворянского государства.
